

Нина Колыбельникова

**Вторая попытка
мисс Фэшенворт**

УДК 82-3
ББК 84-4
К60

Колыбельникова Н.

К60 Вторая попытка мисс Фэшенворт / Нина Колыбельникова. – М.: Литнет, 2026. – 196 с.

ISBN 978-5-521-99749-7

Юная мисс Фэшенворт однажды уже позволила сердцу вести себя, и жестоко за это поплатилась. Пережив предательство, она дала себе твердое обещание: отныне ни одно чувство не должно влиять на ее решения. Лишь разум, лишь холодное благоразумие – вот что станет основой ее будущего. Прошло четыре года. Буря улеглась, боль припустилась, а сама Диана превратилась в сдержанную, рассудительную девушку, достойную уважения и спокойного, выгодного брака. Кажется, прошлое окончательно осталось позади, но с возвращением в округ человека, некогда разбившего ее надежды, и появлением загадочного и проницательного мистера Рандольфа, тщательно выстроенный мир Дианы начинает колебаться.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99749-7

© Литнет, 2026

© Колыбельникова Н., 2026

Глава 1

Утро выдалось необычайно ясным, и сад поместья Фэшенворт казался сегодня особенно приветливым. Легкий ветерок едва касался верхушек старых лип, и солнечные лучи мягко скользили по гравийным дорожкам, по клумбам с поздними розами и по аккуратно подстриженным кустам лавра.

Диана Фэшенворт шла по аллее медленно, почти беззаботно, иногда останавливаясь, чтобы коснуться пальцами раскрытого цветка или взглянуть вдаль, где за живой изгородью начинались луга их владений. В ее походке чувствовалось то тихое оживление, которое бывает у человека, ожидающего счастья и почти уверенного, что оно не заставит себя долго ждать.

Сегодня вечером мистер Джим Толквуд должен был приехать к ним на обед.

Эта мысль сама по себе была приятной, но в последнее время она приобрела для Дианы особенное значение. Впрочем, мистер Толквуд никогда не говорил с ней прямо о том, о чем вся округа, казалось, уже давно сделала свои выводы. Однако его намеки были столь часты и столь очевидны, что даже самая скромная девушка могла бы позволить себе некоторые надежды.

Диана улыбнулась, вспоминая.

Еще прошлой зимой, на балу у леди Хардинг, он почти не отходил от нее весь вечер. Когда объявляли новый танец, он появлялся рядом с такой точностью, словно знал программу заранее. В тот вечер они танцевали трижды – обстоятельство, которое не ускользнуло от внимания ни одной наблюдательной дамы.

А затем начались его визиты.

Сначала – один или два раза в неделю, что было вполне естественно для соседей. Но вскоре мистер Толквуд стал появляться почти ежедневно: то он приезжал с книгой, которую, по его словам,

непрерывно хотел ей показать; то с новостями из города; то просто для того, чтобы справиться о здоровье ее матери.

И всякий раз он говорил с ней с особенной теплотой.

Особенно, как заметила Диана, в присутствии других. Его комплименты были изящны, но достаточно ясны, чтобы дать понять: его внимание направлено исключительно на нее. Иногда он замечал, что ее мнение для него «несравненно важнее всех остальных», иногда уверял, что никогда прежде не встречал столь рассудительной и в то же время столь очаровательной девушки.

Однажды, провожая ее после прогулки, он сказал с улыбкой:

— Мисс Фэшенворт, если бы все сады в Англии обладали столь приятным обществом, я бы навсегда отказался от городских удовольствий.

И хотя слова эти были произнесены легко, в них было нечто такое, от чего сердце Дианы тогда билось быстрее.

Она медленно повернула на другую дорожку сада.

Сегодня... сегодня все казалось особенно значительным. Мистер Толквуд должен был провести вечер с ее родителями за столом, а это обстоятельство редко бывает случайным. Диана всей душой чувствовала, что этот визит может стать началом разговора, который неизбежно должен был состояться.

Она даже представила себе, как отец, серьезный и внимательный к подобным делам, пригласит мистера Толквуда в кабинет после ужина.

И как позже...

Диана остановилась, слегка покраснев от собственных мыслей.

— Мисс Фэшенворт...

Голос, прозвучавший за ее спиной, был тихим, но настолько необычным по тону, что она сразу обернулась.

По дорожке к ней спешила мисс Логслив.

Гувернантка сопровождала Диану с самого детства, и за все эти годы девушка привыкла видеть ее неизменно собранной, спокойной и почти невозмутимой. Однако теперь в ее лице было что-то стран-

ное. Она шла быстрее обычного, руки ее были сцеплены, а взгляд постоянно ускользал в сторону.

– Мисс Логслив? – удивилась Диана. – Что случилось?

Гувернантка остановилась перед ней, слегка поклонилась и, по-видимому, собиралась с мыслями.

– Ваша матушка... просит вас пройти в гостиную, мисс. Она желает видеть вас... немедленно.

– Немедленно? – повторила Диана.

– Да, мисс. По весьма важному делу.

Диана внимательно посмотрела на нее.

Мисс Логслив явно избегала ее взгляда – обстоятельство, которое само по себе было столь необычным, что тревога мгновенно коснулась сердца девушки.

– Произошло что-то дурное?

– Я... не смею сказать, мисс, – тихо ответила гувернантка.

И это признание прозвучало еще тревожнее, чем любой ответ.

Диана больше не стала расспрашивать.

Она быстро повернула к дому и поспешила по дорожке, которая вела к террасе. С каждым шагом беспокойство усиливалось. Она не могла припомнить ни одного случая, чтобы миссис Логслив выглядела столь взволнованной.

Что-то случилось.

И, судя по всему, нечто серьезное.

Когда Диана вошла в гостиную, первое, что она заметила, – необычную тишину.

Ее мать сидела на диване. Лицо миссис Фэшенворт было бледным, а в руках она держала конверт, который сжимала так сильно, что пальцы ее почти побелели.

Отец стоял у окна. Руки его были сцеплены за спиной, а губы сжаты в тонкую линию. Он смотрел в сад, но, услышав шаги дочери, медленно обернулся.

Диана остановилась у двери.

Никогда прежде она не видела своих родителей в таком состоянии.

– Сэр... мадам... – тихо произнесла она.

Мистер Фэшенворт сделал несколько шагов к ней.

– Диана, – отец на мгновение замолчал, словно подбирая слова. – Для тебя есть новости, – наконец произнес он. – Боюсь, весьма неожиданные.

Диана медленно подошла ближе и, не зная, чего ожидать, опустилась на диван рядом с матерью. Сердце ее билось быстрее обычного, хотя она еще не могла объяснить себе причины этого внезапного беспокойства.

Миссис Джейн Фэшенворт держалась с той сдержанностью, которая всегда отличала ее в трудные минуты. Однако сейчас ее спокойствие казалось натянутым, почти торжественным, как будто она присутствовала на чьих-то похоронах, где необходимо сохранять достоинство, несмотря на внутреннее смятение.

Она осторожно положила конверт на колени.

– Письмо только что передали, – произнесла она тихо. – Оно от мистера Толквуда... отца мистера Джима Толквуда.

Диана мгновенно побледнела.

– От мистера Толквуда? – повторила она.

Тревога, прежде лишь смутная, теперь захватила ее целиком. Девушка резко поднялась, затем снова опустилась на диван, не находя себе места.

– Что случилось? – быстро спросила она. – С младшим мистером Толквудом все в порядке? Он не болен? С ним не произошло несчастья?

Мысли ее уже устремились к самым ужасным возможностям.

– Он... жив? – выдохнула она почти шепотом.

У окна раздалось недовольное хмыканье.

– О, жив, – сухо заметил мистер Фэшенворт, не оборачиваясь. – И, смею сказать, весьма бодр, к моему огромному сожалению.

Диана ахнула.

– Сэр! Как вы можете говорить такое!

Но мать мягко подняла руку, останавливая ее.

– Позволь, дорогая. Лучше всего будет, если ты услышишь все так, как написано.

Она развернула письмо. Бумага слегка дрогнула в ее пальцах.

– Мистер Толквуд пишет... – начала она.

Голос ее был ровным, но каждая фраза звучала тяжело.

«К глубочайшему моему сожалению, я вынужден сообщить вам обстоятельство, которое повергло мою семью в величайшее смятение. Сегодня рано утром мой сын, Джим Толквуд, тайно обвенчался с мисс Кэтрин Баркли...»

Диана не сразу поняла услышанное. Слова будто не складывались в смысл, а миссис Фэшенворт продолжала читать.

«Этот необдуманный и, смею признаться, крайне опрометчивый поступок был совершен без ведома и согласия нашей семьи. Мы не можем принять данный брак и, вследствие этого, мой сын и его супруга приняли решение разорвать отношения с родными и покинуть округу. Мне известно, что они намерены отправиться в Манчестер, где рассчитывают начать новую жизнь...»

В комнате стало так тихо, что было слышно лишь потрескивание дров в камине.

«Я прошу передать мисс Диане Фэшенворт мои искренние извинения за поведение моего сына. Мне глубоко стыдно, что он позволил себе столь явным образом внушить ей надежду на совместное будущее, не имея на то честных намерений...»

Диана почувствовала, как холод разливается по телу.

«Искренне надеюсь, что это прискорбное обстоятельство не разрушит добрых отношений между нашими семьями...»

Письмо закончено. Миссис Фэшенворт медленно опустила лист.

В ту же секунду Диане показалось, что пол под ногами слегка качнулся. Она схватилась за край дивана.

Дыхание ее стало быстрым и неровным, а в груди появилось жгучее, почти физическое ощущение боли.

– Нет... – тихо прошептала она. – Это невозможно...

Но мать уже протягивала ей письмо.

Диана взяла его дрожащими руками.

Буквы казались чужими, непонятными. Она снова начала читать, но строчки расплывались, слезы застилали глаза, и слова ускользали, превращаясь в темные пятна.

У окна тем временем раздавался глухой голос ее отца.

– Подлец... – ворчал мистер Фэшенворт. – Настоящий подлец. Обманщик! Каждый день являлся в этот дом, ухаживал, строил из себя благородного джентльмена...

Он резко повернулся.

– Обвел нас всех вокруг пальца!

Диана слышала его лишь вполуха. Она снова и снова пыталась вчитаться в письмо, словно надеясь обнаружить в нем ошибку, но каждое слово подтверждало одно и то же.

Джим Толквуд... женился.

На другой.

Где-то сквозь шум в ушах до нее донеслись слова отца:

– Я только одного не понимаю! Для чего был нужен весь этот спектакль? Если он собирался жениться на этой... как ее... Баркли!

Миссис Фэшенворт медленно сложила руки на коленях.

– Возможно... – осторожно произнесла она, – дело в том, что мисс Кэтрин Баркли жила неподалеку от нашего имения.

Отец нахмурился.

– И что из этого?

Мать вздохнула.

– Джим часто бывал у нас. Его визиты выглядели вполне естественными. Возможно... он пользовался этим, чтобы скрывать свои поездки к настоящей даме сердца.

Эти слова прозвучали тихо, но для Дианы они оказались почти невыносимыми.

Она снова опустила глаза на письмо.

Нет...этого просто не может быть. Я не могу поверить, – подумала она.

Глава 2

Имя Кэтрин Баркли, впрочем, вовсе не было неизвестно в некоторых кругах округа, хотя и не вызывало тех чувств, какие обычно сопутствуют громким или блестящим фамилиям. Оно принадлежало роду некогда достойному, но давно утратившему прежнее положение.

Отец Кэтрин, Уильям Баркли был человеком образованным, приятным в обществе и, по словам тех, кто знал его в молодости, наделенным живым умом и добрым характером. К несчастью, он обладал также слабостью, которая в его случае оказалась губительной: страстью к игре.

Эта страсть, столь безобидная на первых порах, постепенно превратилась в привычку, затем – в необходимость, а после и в несчастье, которое не пощадило ни его состояния, ни его душевных сил.

К тому времени, когда маленькой Кэтрин едва исполнилось три года, почти все, чем владела семья, было проиграно. За этим последовали месяцы тревог, долгов и унижений, а вскоре и болезнь, которую доктора осторожно называли нервным расстройством, но которую окружающие понимали гораздо проще: горе и стыд окончательно сломили мистера Баркли.

Он умер спустя несколько месяцев, оставив вдову и маленькую дочь без средств к существованию.

С этого времени жизнь миссис Баркли стала цепью постоянных переездов, осторожных расчетов и тихой борьбы за достоинство.

Она происходила из семьи, где образование и ум ценились не меньше, чем состояние. Ее собственный отец, покойный священник, оставил после себя небольшой ежегодный капитал, который теперь стал единственным надежным источником средств.

Капитал этот был слишком скромн, чтобы обеспечить спокойную жизнь, но достаточен, чтобы сохранить приличия. Миссис Баркли

надеялась устроиться гувернанткой в каком-нибудь порядочном доме. Она обладала знаниями, воспитанием и спокойным нравом, теми качествами, которые обычно ценятся в подобных случаях. Однако у нее была одна трудность, которая всякий раз оказывалась непреодолимой.

У нее был ребенок.

Хозяева домов, где требовалась гувернантка, нередко выслушивали ее с сочувствием, иногда даже с искренним расположением, но почти неизменно приходили к одному и тому же решению: маленькая девочка могла бы создать неудобства.

Так проходили годы.

Мать и дочь жили в съемных комнатах, иногда задерживаясь на несколько месяцев, иногда лишь на несколько недель. Их жизнь отличалась скромностью, но никогда – беспорядком или унынием. Миссис Баркли обладала той редкой стойкостью духа, которая не позволяет ни бедности, ни тревогам разрушить привычку к аккуратности и внутреннему достоинству.

Кэтрин росла в этой атмосфере тихой дисциплины и раннего понимания действительности. Она очень рано поняла то, что многие девушки узнают лишь спустя годы: что судьба ее зависит не от счастливого случая, а от собственных усилий. И потому она старалась.

С тем усердием, которое редко встречается у ребенка, она занималась языками, музыкой, чтением и всем тем, что могло когда-нибудь сделать ее полезной и желанной в хорошем доме.

Миссис Баркли, несмотря на скромность своего положения, не жалела средств на образование дочери. Нередко последние деньги уходили на уроки или книги, но она никогда не позволяла себе сожалеть об этом.

– Знание, – говорила она маленькой Кэтрин, – это единственное приданое, которое я могу тебе дать.

К десяти годам Кэтрин уже свободно изъяснялась на трех языках, пела с удивительной чистотой голоса и могла без затруднения